

УДК 902.2(571.16)

DOI: 10.17223/19988613/49/19

Б.С. Борило¹, Е.В. Барсуков²

МЕДВЕДКИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

¹ В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 8.1.41.2017, в рамках Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

² Исследование выполнено за счет гранта РФФИ «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии» (проект № 14-50-00036).

Статья посвящена Медведкинскому поселению – многослойному археологическому памятнику, расположенному на границе Томской и Кемеровской областей. В природно-географическом плане данная территория является переходной от тайги к лесостепи. Памятник стал известен в 1970-е гг. благодаря разведке В.А. Рябцева. В этот же период исследователь организовал реконсцировочные раскопки, материалы которых не единожды дополнялись сборами в последующие годы. Анализ представительной коллекции керамики и каменного инвентаря указывает на датировку поселения в широких хронологических пределах – от неолита до раннего железного века. Особый интерес представляют случайные находки зооморфно оформленного оселка и керамического сосуда. Последний позволил исследователям предполагать наличие на этом отрезке берега не только поселенческого слоя, но и погребального комплекса. Материалы памятника ранее не публиковались и не известны широкому кругу специалистов. Актуальность статьи обусловлена значимой ролью памятника, находившегося в зоне переплетения культурно-исторических связей. В настоящее время в месте расположения Медведкинского поселения берег разрушается рекой, а сопредельная территория активно застраивается, что является поводом для организации неотложных спасательных работ.

Ключевые слова: Томское Приобье; неолит; эпоха бронзы; эпоха железа.

Медведкинское поселение, находящееся на границе современных Томской и Кемеровской областей, как новый археологический объект выявлено в 1977 г. сотрудником проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Томского государственного университета В.А. Рябцевым в ходе разведочных работ. На левом берегу р. Томи, в 100–200 м восточнее северной окраины ныне несуществующей деревни Медведка, он собрал большое количество подъемного материала: каменный инвентарь и фрагменты керамики (всего 170 ед.). В этом месте, на протяженности 100–120 м вдоль реки, терраса существенно возвышается над рекой примерно на 10–12 м. Объекты памятника в рельефе не прослеживаются, возможная причина – произведенные посадки кедрового леса.

По находкам керамики и каменного инвентаря В.А. Рябцев предварительно датировал памятник эпохой неолита – эпохой раннего железа. В числе подъемных артефактов был целый сосуд, который В.А. Рябцев отнес к эпохе поздней бронзы и высказал мысль, что он происходит не из поселения, а возможно, из могильника, так как целые сосуды, в основной массе, характерны для погребальных объектов. В 1978 г. Южным отрядом археологической экспедиции Томского университета под руководством В.А. Рябцева вдоль обрыва террасы был заложен раскоп в виде траншеи площадью около 48 кв. м, а в 10 м от раскопа – шурф (2×2 м) с целью определения границ памятника и поиска предполагаемого грунтового могильника. На Медведкинском поселении было выбрано 6 горизонтов мощностью по 10 см, расчищены остатки древних сооружений и собрана коллекция находок (камень, керамика), которая под № 7310 хранится в фондах МАЭС ТГУ.

В шурфе обнаружены отщепы, скребла и фрагменты керамики. Широкий разброс подъемного материала вдоль всего высокого участка террасы дал основание предположить, что памятник занимает значительную площадь, но определить его границы трудно [1. С. 7].

В 2010 г. Д.Ю. Рыбаков составил учетную карту памятника для Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, а в 2017 г. сотрудник ОГАУК «Центр по охране памятников» И.Ж. Рагимханова в рамках госзадания на 2017 г. провела мониторинг Медведкинского поселения.

Культурный слой памятника состоит из супеси серого цвета мощностью 40–100 см, подстилаемой материком светло-желтого цвета. В раскопе, расположенном на краю разрушающейся террасы, были обнаружены остатки жилища или хозяйственной постройки: пять пятен размерами от 1,1×1,1 до 5,6×2 м; 14 столбовых ям; очаг, заполненный серой мешаной супесью с включением угля и отходами каменного производства. На краю террасы, на глубине 50 см, находился объект в виде пятна прокаленного песка (0,8×0,3×0,35 м), содержащий жженные косточки, угли, отщеп, фрагмент керамики без орнамента. Вследствие обрушения края террасы значительная часть объекта утрачена, поэтому его интерпретация носит предположительный характер: могила с захоронением, произведенным по обряду трупосожжения на стороне [1. С. 5]. Подобный обряд известен на памятниках: Самусь-1, Старом мусульманском кладбище, Томском могильнике, датированном переходным временем от неолита к бронзовому веку. В отчете В.А. Рябцева нет упоминания о наличии конструкций и охры в могильном пятне. Такая особен-

ность характерна для погребального обряда эпохи неолита – ранней бронзы на территории Верхнего Приобья и Нижнего Притомя [2. С. 72].

Коллекция находок Медведкинского поселения впервые вводится в научный оборот, ранее она не публиковалась, а в отчете В.А. Рябцева содержится лишь краткая характеристика материала [1. С. 5–6], в которую необходимо внести некоторые правки.

Наиболее массовая категория находок Медведкинского поселения – каменный инвентарь, представленный орудиями и отходами производства (свыше 2 000 отщепов и обломков). Использовались кремь и кремнистые породы, кварц, яшма. Для обработки камня применяли пластинчатую технику, отжимную ретушь, шлифовку, сверление.

Собрано около 50 целых и фрагментированных изделий: *отбойник* (1 экз.); *оселок* (1 экз.), *скребки* (4 экз.) разной величины и степени обработки; *скребла* (3 экз.); *долотовидные изделия* (4 экз.) небольшого размера, овальные в поперечном разрезе, с односторонней заточкой; *тесла* крупной формы (3 экз.), два – овальные в поперечном разрезе, одно – подпрямоугольное с шлифованным рабочим краем.

Ножевидные пластины: 1 пластина крупная (10 см в длину), имеет ретушь с двух сторон; 17 миниатюрных пластин, из них 4 – с ретушью. Все пластины в поперечном разрезе треугольные. *Нож* с вогнутым лезвием, остро зашлифованный с одного края. *Нуклеусы* – 13 экз., 5 из них сильно сработаны, остальные являются заготовками.

Каменный инвентарь с Медведкинского поселения имеет широчайшие по территории и хронологии (неолит – эпоха бронзы) аналоги.

Осенью 1991 г. начальником участка треста «Востокбурвод» Ю.М. Блещавенко в размыве левого берега р. Томи близ деревни Медведка были обнаружены

четыре каменных изделия из алевролита (3 оселка и плоский предмет подтреугольной формы с биконическим отверстием). Подъемный материал, зарегистрированный как «Медведкинские находки» (коллекция № 7686, фонды МАЭС ТГУ) и опубликованный Ф.И. Мецем и Ю.Н. Есиным [3; 4. С. 341, 481. Табл. 10], дополняет коллекцию Медведкинского поселения.

Особого внимания заслуживают две медведкинские находки, характеристика которых позволяет выйти на культурно-хронологическую интерпретацию. Первая – трапециевидный в сечении оселок из серого алевролита с абразивной поверхностью, имеющий на одном из торцов зооморфное оформление в виде головы подтреугольной формы с приостренной мордой (рис. 1, 1). Глаза обозначены неглубокими ямками, рот – прямой линией, шлифованной по форме торца. Часть подбородка отбита. Оселок со стороны «головы» утолщен по сравнению с противоположным обломанным торцом. Следы стачивания на средней части плоскостей свидетельствуют об активном использовании оселка как абразива. Ф.И. Мец трактует изделие как интересный и своеобразный образец древнего искусства с изображением головы змеи [3. С. 7]. По манере изображения и способу передачи деталей медведкинский оселок особенно напоминает зооморфную головку на рыболовном стерженьке из могильника кротовской культуры Сопка-2 [5. С. 46. Рис. 19, 3]. Ю.Н. Есин предварительно относит эту находку к самусьской культуре с оговоркой: хоть изображений змеи среди самусьских предметов пока нет, но данный образ представлен в материалах других сейминско-турбинских групп (фигурное литье Галичского клада, могильника Бор-Ленва, оформление рукоятей некоторых кинжалов), а аналогичный способ изображения глаз использован при изготовлении некоторых скульптур Самусь IV [4. С. 111].

Рис. 1. Медведкинские находки
1 – зооморфно оформленный оселок; 2 – предмет подтреугольной формы с биконическим отверстием

Значительное число подобных оселков, но без зооморфного оформления, собрано в Самусьском могильнике, в могильнике на Старом мусульманском кладбище, Новокусовской стоянке, ряде памятников Новосибирской области и Алтайского края, в материалах раскопок самого Медведкинского поселения есть песчанико-

вое точильце. В.И. Матюшенко видит в них обычные для неолита абразивы [6. С. 101–102], которые исчезают в эпоху бронзы. А.И. Петров, поддерживая В.И. Матюшенко, считает, что грубые по структуре песчаниковые точильца использовались для шлифовки каменных изделий, но никак не металлических, иначе

расход металла был бы очень большим [7. С. 8–9]. Им оппонирует М.Ф. Косарев, датируя подобные оселки-точильца эпохой бронзы [8. С. 49–50].

Вторая показательная медведкинская находка представляет собой плоский предмет подтреугольной формы с биконическим отверстием, поврежденный сколами (рис. 1, 2). Изделие вряд ли могло служить грузилом ввиду своего малого веса. Вероятнее всего, это подвеска-украшение, подобная тем, что были найдены в мо-

гильнике Сопка-2 [5. С. 43–44] и в Самусь IV [2. С. 470–471. Табл. 6; 9. Рис. 27].

Таким образом, по имеющимся аналогиям, медведкинские находки относятся, скорее, к эпохе ранней бронзы.

Керамика, найденная на поселении (около 80 фрагментов), датируется периодом от неолита до раннего железа. Сосуды не реконструируются, но по форме фрагментов можно предположить, что это были горшки баночной формы с плоским дном.

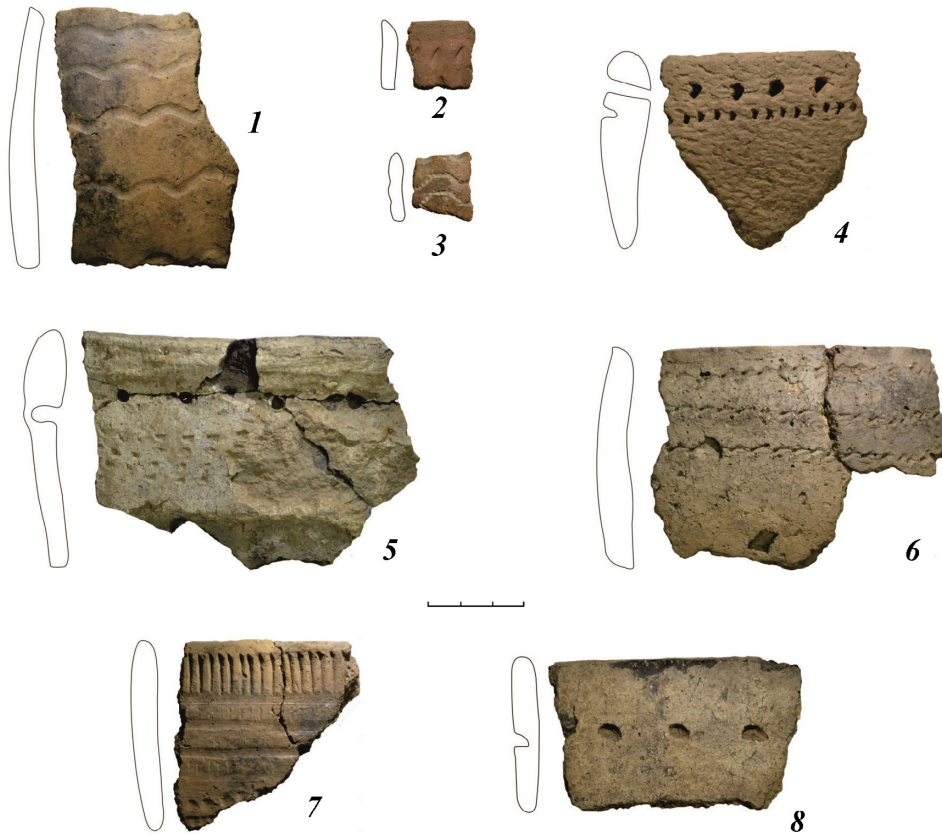

Рис. 2. Керамика Медведкинского поселения
1–3 – фрагменты неолитической керамики; 4 – фрагмент керамики с «текстильным» орнаментом;
5, 6 – фрагменты раннебронзовой керамики; 7 – фрагмент позднебронзовой керамики;
8 – фрагмент керамики раннего железного века

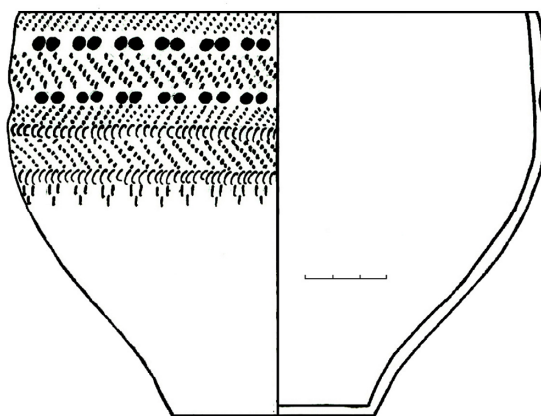

Рис. 3. Сосуд переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку

К неолитическим образцам относятся несколько фрагментов разных сосудов с красноватой окраской поверхности. Один из них, с прямым, скошенным внутрь венчиком, орнаментирован прочерченными волнистыми линиями (рис. 2, 1). Орнамент располагался на большей части тулова сосуда, возможно, от венчика до дна. Маленький фрагмент венчика, незначительно отогнутого наружу, орнаментирован с внешней и внутренней стороны косой насечкой по обрезу венчика (рис. 2, 2). Еще один небольшой фрагмент сосуда с прямым венчиком орнаментирован волнистыми линиями в отступающей технике. По обрезу венчика – ваимпроникающие ямочные вдавления, образующие волнистую линию (рис. 2, 3). Сосуды, орнаментированные волнами, насечками в прочерченной или отступающей технике с прямыми или незначительно отогнутыми наружу венчиками, имеют аналоги среди сосудов верхнеобской неолитической культуры [6. Стр. 71–72, 128. Рис. 33].

Предположительно, к раннебронзовым образцам относятся фрагменты керамики светло-коричневой окраски, украшенные псевдотекстильным орнаментом с внешней и внутренней стороны. Венчики сосудов прямые с одним или двумя рядами ямочек, образованных вдавлениями острой палочки, на одном из рядов – ямочки сквозные (рис. 2, 4). Толщина стенок достигает 1,3 см. Подобная керамика представлена в неолитическом комплексе стоянки Самусь III, где найдены фрагменты сосудов с прямыми толстыми стенками, сплошь покрытыми текстильным орнаментом с внешней и внутренней стороны сосуда [6. С. 36–37]. Однако она встречается также на разновременных комплексах, поэтому керамику с текстильным орнаментом ряд исследователей относят к эпохе ранней и развитой бронзы [1. С. 6; 10. С. 70–71].

К эпохе ранней бронзы относится фрагмент сосуда с отогнутым наружу венчиком, орнаментированный рядом ямочек и оттисками отступающей палочки (рис. 2, 5). Еще несколько фрагментов прямого венчика от одного сосуда украшены в технике округлой отступающей палочки (рис. 2, 6). Аналогичные образцы имеются на памятнике Венгерово-3 [5. С. 15, 17. Рис. 3, 1, 36].

Эпохой поздней бронзы можно датировать фрагменты керамики, орнаментированные под венчиком вертикальными резными линиями, под которыми идут горизонтальные прочерченные линии или зигзагообразные желобки, ниже – орнамент, нанесенный отступающей палочкой (рис. 2, 7). Такая керамика свойственна самусьской культуре [9. Рис. 26; 49, 16].

К раннему железному веку относится фрагмент серого цвета толщиной 0,7 см от сосуда с прямым венчиком, орнаментированный линией полукруглых ямочных вдавлений (рис. 2, 8). Ближайшие аналогии имеются в памятниках большереченской культуры (Ордынское-9, Новый Шарап-1) [11. С. 133. Табл. III, 2; С. 151. Табл. XXI, 7].

Интерес представляет целый плоскодонный сосуд горшковидной формы с прямым венчиком, имеющим

уплощенный срез. Диаметр сосуда по венчику 17 см, по дну 7 см, высота 14 см. Горшок орнаментирован чередующимися рядами гребенчатого штампа с наклоном вправо или влево, рядами сдвоенных ямок и вдавлений отступающей лопаточки, «Y»-образным штампом (рис. 3¹). От венчика до середины тулова расположены девять рядов орнамента. Прямых аналогов сосуд не имеет. В.А. Рябцев датировал его эпохой поздней бронзы [1. С. 1; 12. С. 8]. Но, возможно, сосуд относится к переходному этапу, поскольку совмещает в себе признаки, характерные и для поздней бронзы и раннего железного века: орнаментация покрывает только половину сосуда; ряды гребенчатого штампа разного размера (0,5 и 1 см); «Y»-образный штамп вызывает ассоциации с ямками, сгруппированными по 3 штуки и трактуемыми как изображения антропоморфных лиц в самусьской культуре. Орнамент со сдвоенными ямками имеет единичную аналогию в материалах самусьской культуры [9. Рис. 18, 1], но более распространен в материалах поселения раннего железного века Инберень-IV на Иртыше [13. С. 184. Рис. 4, б].

Таким образом, датировка керамической коллекции Медведкинского поселения охватывает несколько эпох – от неолита до раннего железного века, а само поселение является многослойным памятником. Остается открытым вопрос о наличии на данной территории погребального комплекса, на что намекает находка целого сосуда. Необходимо продолжить полевые исследования, чтобы выяснить характер памятника и определить его границы.

Медведкинское поселение, расположенное на пограничье тайги и лесостепи, где межэтнические контакты были наиболее активны, являлось важным звеном в структуре культурно-исторических связей населения Томского Приобья, что маркирует керамическая коллекция памятника.

Орнаментальные и технические особенности неолитической керамики свидетельствуют о ее принадлежности к верхнеобской культуре, это позволяет говорить о заселении данного района с юга Сибири и о культурной связи населения Томского Приобья с населением Приаралья [6. С. 122, 127–128]. В эпоху ранней бронзы прослеживается влияние лесостепной гребенчато-ямочной общности (байрыцкого типа), а вот в позднем бронзовом веке керамика несет в себе черты, характерные для самусьской культуры. Важным моментом в историческом процессе является переходное между эпохами время. Исследуя этот период на основе синтеза культурных черт, характерных для предшествующей и последующей эпохи, можно делать выводы о направлениях и глубине этнокультурного взаимодействия.

В настоящее время памятник интенсивно разрушается под воздействием природы и человека: терраса обрушивается во время половодий, а зона бывших лесопосадок активно застраивается дачными участками и коттеджами. Продолжение раскопок Медведкинского поселения является актуальной задачей не только в

плане спасения памятника, но и археологического исследования территории Томского Приобья.

Дальнейшее изучение Медведкинского поселения, находившегося в зоне переплетения культурно-

исторических связей, обещает плодотворные результаты, которые можно успешно использовать для воссоздания этнокультурной истории Западной Сибири в широком хронологическом диапазоне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По рис. [12. Табл. 5, I].

ЛИТЕРАТУРА

1. Рябцев В.А. Отчет о полевых исследованиях Южного отряда археологической экспедиции Томского университета за 1978 год // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. 1978. № 773.
2. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. 475 с.
3. Мец Ф.И. Медведкинские находки // Приобье глазами археологов и этнографов: Материалы и исследования к «Энциклопедии Томской области». Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 5–9.
4. Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: Самусьская культура: Труды музея археологии и этнографии Сибири. Томск: Том. гос. ун-т, 2009. Т. II. 526 с.
5. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
6. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 9. 184 с.
7. Петров А.И. Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // Источники по истории Западной Сибири (история и археология): межведомств. сб. науч. тр. Омск: Омск. ун-т, 1987. С. 4–20.
8. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 219 с.
9. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 10. 139 с.
10. Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. 328 с.
11. Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. 184 с.
12. Рябцев В.А. Отчет об археологических работах проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Томского государственного университета летом 1977 года // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. 1978. № 724.
13. Корякова Л.Н., Стефанов В.И. Городище Инберень-IV на Иртыше // Советская археология. 1981. № 2. С. 178–197.

Borilo Bogdana S. Tomsk State University (Tomsk, Russia), E-mail: bogdana.borilo@mail.ru; *Barsukov Evgeni V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia), Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: barsukov-evg@mail.ru

THE MEDVEDKA SETTLEMENT.

Keywords: Tomsk Ob region; Neolithic Period; Bronze Age; Iron Age.

The Medvedka settlement is a multi-layered archaeological site located on the border of Tomsk and Kemerovo regions. In historical and cultural terms this territory was a border area between the forest-steppe and taiga. The settlement was discovered by V.A. Ryabtsev in 1977. The researcher collected a large amount of items, including a preserved vessel. These finds allowed him to hypothesise that apart from the settlement complex there may have also been a necropolis in this territory. Thus in 1978 V.A. Ryabtsev organised further excavations of the site which led to the creation of a collection of over 2000 items. The borders of the Medvedka settlement have not so far been established, and given that the finds were scattered over a large area, one can assume that the territory of the settlement is indeed vast. The Medvedka collection is presented to the scientific community for the first time. Most of it is comprised of stone items. These had been processed with the use of different techniques, among them – pressure flaking, grinding, and drilling. Many cultural and chronological analogies can be drawn when studying the final products and waste in the stone production. In the collection, there are also a small but sufficient number of ceramic items that allowed us to conduct a historical and cultural analysis and to date the site back to the Neolithic Period, and more specifically, the Early Iron Age. By means of analysing the ornamental and technical characteristics of this ceramics we were able to study the patterns of ethno-cultural interactions between the population of taiga and the forest-steppe population over a long period of time. Some unique finds accidentally discovered in the settlement are of particular interest; their features give room for cultural and chronological interpretations. These are a zoomorphic sharpening stone with a snake head imprinted on the end face of it and a whole ceramic vessel. The former is an excellent example of the ancient art of Western Siberia, and the latter has an unusual ‘Y’-shaped stamp on it as well as an ornamental grouping of holes that allow date it to the period in-between the Late Bronze Age and the Early Iron Age. The results of the collection analysis revealed the special role of the Medvedka site in the historical and cultural relationships between the taiga and the forest-steppe population. Further research on this territory of intersection of historical and cultural ties seems much promising as it may enable us to recreate the ethno-cultural history of Western Siberia across a wide chronological spectrum.

REFERENCES

1. Ryabtsev, V.A. (1978) *Otchet o polevykh issledovaniyakh Yuzhnogo otryada arkheologicheskoy ekspeditsii Tomskogo universiteta za 1978 god* [Report on field research of the Southern detachment of the Tomsk University archaeological expedition for 1978.]. The Archive of the Tomsk State University Museum of Archeology and Ethnography of Siberia. № 773.
2. Lukina, N.V. (ed.) (1994) *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the Culturogenesis of the Peoples of Western Siberia]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
3. Mets, F.I. (1999) Medvedkinskie nakhodki [The finds from Medvedkino]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Priob'e glazami arkheologov i etnografov* [The Ob Region Through the Eyes of Archaeologists and Ethnographers]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–9.
4. Esin, Yu.N. (2009) *Drevnee iskusstvo Sibiri: samus'skaya kul'tura: Trudy Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri* [The Ancient Art of Siberia: Samus Culture: Proceedings of the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
5. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.

6. Matyushchenko, V.I. (1973a) Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya (neolit i bronzovyy vek) [Ancient history of the forest and forest-steppe population of the Ob region (Neolithic and Bronze Age)]. In: Okladnikov, A.P. et al. *Iz istorii Sibiri* [From Siberian History]. Issue 9. Tomsk: Tomsk State University.
7. Petrov, A.I. (1987) Periodizatsiya i khronologiya pamyatnikov ekaterinskoy kul'tury v Srednem Priirtysh'e [Periodisation and chronology of Catherine's culture monuments in the Middle Irtysh region]. In: Konikov, V.A. & Matyushchenko, V.I. (eds) *Istochniki po istorii Zapadnoy Sibiri (istoriya i arkheologiya)* [Sources on the History of West Siberia (History and Archeology)]. Omsk: Omsk State University. pp. 4–20.
8. Kosarev, M.F. (1974) *Drevnie kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya* [Ancient Cultures of the Tomsk-Naryn Ob Region]. Moscow: Nauka.
9. Matyushchenko, V.I. (1973b) Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya (neolit i bronzovyy vek) [Ancient history of the forest and forest-steppe population of the Ob region (Neolithic and Bronze Age)]. In: Okladnikov, A.P. et al. *Iz istorii Sibiri* [From Siberian History]. Issue 10. Tomsk: Tomsk State University.
10. Glushkov, I.G. (1996) *Keramika kak istoricheskiy istochnik* [Ceramics as a Historical Source]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
11. Troitskaya, T.N. & Borodovskiy, A.P. (1994) *Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya* [The Bolsherechensk Culture of the Forest-Steppe Ob Region]. Novosibirsk: Nauka.
12. Ryabtsev, V.A. (1978) *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh problemnoy laboratorii istorii, arkheologii i etnografii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta letom 1977 goda* [Report on the archaeological work of the problem laboratory of history, archeology and ethnography of Tomsk State University in the summer of 1977]. The Archive of the Tomsk State University Museum of Archeology and Ethnography of Siberia. № 724.
13. Koryakova, L.N. & Stefanov, V.I. (1981) Gorodishche Inberen'-IV na Irtyshe [Inberen-IV Hillfort on the Irtysh]. *Sovetskaya arkheologiya*. 2. pp. 178–197.